

Светоносный образ Чудотворца Григория

Не часты и не многочисленны посетители этих залов... В настороженной пустоте – вникаешь в эту дивную сокровищницу, в бесценную кладовую отражений образа Божьего, собранных в едином выставочном объёме эрмитажной выставочной коллекции. В залах, наполненных этими дарами словно бы сгущается пространство, не сразу впуская тебя... не чужой ли – входит, конечно же, не осенив себя крестом. Не любопытствующий ли ты, шатающийся праздно в поисках новых впечатлений... ты, нарушивший теперь безлюдное и внемолитвенное взирание икон друг на друга. Почти всегда – в одиночестве пребываешь в этих залах и всегда – стремишься сюда, держишь в себе сокрытую надежду и стремление, предчувствие, предвкушение – новой грядущей встречи с любимыми, насмотренными и ненаглядными образами. Приходишь к ним... и вспоминаешь, почитаешь даже и день этой встречи, как день, светло отмеченный в чередте текущих... день, исполненный радости. Приходишь в эти залы, будто к старым друзьям, добрым знакомым, к очень близким, к личным покровителям. Вновь закоченелый и обесчувственный духом - приближаешься к пламенным светильникам, выжигающим личную немощь, затепливающим фитилёк иссохший сердечной лампы. К этому свету – стремишься, радуешься ему, приникаешь и – неизменно согреваешься, опалаясь им... впечатляешься им всякий раз – особенно.

Здесь – живые свидетели о первоистоках русского православия, здесь – образные очевидцы того, как и «откуда есть пошла Русская Земля»... более того – здесь – живые водители этого «хождения» о Христе Земли Русской. Здесь и сама фраза летописца Нестора обретает видимый, осязаемый – образ, в сиянии Красоты Господней... За этим образом и сегодня бы шествовать всё тем же, неизменным и неложным путём ко спасению в осенении Закона и Благодати... Так – почти мечтательно - воздыхаешь на путях личной безблагодатной беспутности... и – стремишься вновь и вновь - сюда, к образам – тайноводцам, к образам светлым, - к византийскому Пантократору, к образу Григория Чудотворца, к афонскому «Воскресению – Сошествию во ад»... к иным удивительным чудесам, запечатлённым «Византийским Искусством», - так именуются эти залы. Понимание этих сокровищ, как предметов искусства, как артефактов минувшего, истекшего времени, столь далёкого от времён, текущих ныне, представляется, что оскопляет их живительную, животворную полноту, отчуждает их от нас, развенчивает... - буквально стирает духовные нимбы их святости, умаляет их высокую значимость и неизменное пред-назначение именно для нас, нынешних. Входишь в эту тишину, обрамлённую назойливыми и неотвязчивыми, приглушёнными звуками города. Затхлому шуму и сегодня – не разрушить этой неизменной образной, созерцательной тишины, - жадно вникаешь в неё, растворяешься ею, оставаясь наедине с обступающими святынями, с каждой из них находишь особенные оттенки личных отношений... пусть и представлены они здесь, вне литургии, в чуждом свете, в чуждых обстоятельствах экспозиции. Но ничто не отделит от образа Господнего, если приникаешь к нему с жаждой. Пусть не в пору и не в меру мою - говорить о какой-либо чистоте помыслов перед образом. Приникаю с жаждой чистоты, являемой здесь, с жаждой молитвы, пусть самой молитве и не возгореться во мне... пусть одно только искреннее любование и чувственная душевная радость – сопутствуют моему проникновению в эти залы... к образу, о котором теперь хочется вспомнить и говорить.

Образ святителя Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского, Понтийского. Образ начала XII века византийской работы. Один из лучших образцов, наряду с «Пантократором». Всегда – желанно, хоть бы памятью – вернуться к этому источнику

истинной Красоты, к образцу иконного живописания, в его полноцветной, незамутнённой, светоносной радости.

Образный свет. От первой встречи с этой иконой – преследовали помыслы о ней – помыслы о том, насколько важно, чтобы именно этот светонесущий образ сиял, пылал в ином окружении, в ином виде, столь отличном от того, в котором он теперь предстаёт перед нами. Образ святого Григория Чудотворца – действительно плод художественного чудотворения. Весь образ телесно-золотой, сиятельный, тёплый, согревающий взор и душу... - ему должно высветливаться, выявлять, расширять пространство нашей личной молитвы в свете лампадном, в свете естественно-солнечном. И тогда – естественно – воссияет золото фонов, воссияют белильные тона в облачениях и в сединах лица святого святителя. Воссияют, затепливая молитву. В назойливом, навязчивом и неотвратимом теперь доминировании могучего света электрических ламп сам образ – меркнет... представляя себя во внешнем свете к удобному рассматриванию через стекло экспозиционного шкафа. Стекло бликует и отражает нас, смешивает отражение моего безобразия и образ святого... И образ не противится могущему внешнему, слепящему электричеству... тускнеет, не противоборствует светам, уходит от нас... прячет свою живую и животворную теплоту от ламп... оставляя лишь свою видимость. Сравним ли... И уместным ли, достаточным, точным будет это сравнение. Так живая архитектура ночных видений городских ландшафтов обретает не свойственную прежде, чуждую - новую наглядность и, можно бы сказать, вычурность бесцеремонных световых форм, линий и впечатлений ими, которым не должно являть образу архитектуры. Говорю о ночных подсветках современного облика древних форм. Архитектура в ночном высветлении меняет свои естественные свойства... - так свидетельствую лишь только о личном впечатлении, понимании... или личной отсталости, замшелости маргинала... Архитектуре впору утрачивать ночью свой силуэт, растворять его ночью, смешивать с ночью белой... Таков дух времени – с трудом скажем мы, бредя ночью в агрессивном электрическом мареве мёртвого и настырного света... Но образ иконы в электрическом высветлении – не предназначен к таким сущностным изменениям... мучается и почти уже умирает в них. Можем ли мы хоть бы представить себе этот образ святителя в естественном для него окружении, в храмовом интерьере в образном литургическом пространстве, в ходе совершения Богослужебного таинства в виду этого образа. В ошептывании молитвами, в овеивании литургическими гимнами, восклицаниями... в благовонном каждении духовного почитания Первообраза – Христа, изобразившего Себя в личности святого. Нынче образ святителя Григория Чудотворца репродуцирован во множестве изданий, в хорошем качестве, с высокой подробностью изображений, сделанных в различном освещении, специально организованном для фотосъёмки. На некоторых репродукциях цветовым визажем усилены некоторые тона, не свойственные иконе. В этих цветовых выявлениях мастеров фотографии – можно отдалённо, гадательно – представить себе естественное цветовое состояние иконы в храмовом освещении. Всё это игры современных технологий, угождающих изменчивому вкусу, гоняющему себя за новыми сильными, обострёнными впечатлениями... и едва ли эти примеры уместны в наших рассуждениях.

Личный опыт во взаимоотношениях с образом – единственно верная, уверительная и убедительная основа для высказывания суждений об этой иконе... Впрочем, не только об этой. Как единственная основа для наполнения проповеди о Христе

отсветом... теплотою живого дыхания Слова – Самого Христа. Личный опыт – критерий истины – эта фраза слишком дидактична, естественна...

Но – возвратим себя к образу святителя Григория Чудотворца. Красота и целостность образа и пленяют, и завораживают, и овладевают душой, чувствами замороженного, пленённого... - как овладели – мной. И хочешь вновь этого пленения, и будучи свободен, волен и обязан уйти – с трудом расстаёшься, не желая освободиться от образа, от печати впечатления им. В этой иконе нет явно акцентированных символов, которые бы явно доминировали над целостным изображением. Символов, которые буквально бросаются в глаза, вопиют о своей значимости, требуют неременного распознавания, уяснения, навязывают себя нашему взору, нашему разумению или неразумию – и диктуют, образуют в распознании их наше отношение с иконой. Таковой вопиющий символ – формирует наше состояние и предстояние Богу перед иконой, предстояние, обращаемое к Первообразу. Перед образом святого Григория хочется говорить прежде всего не о символах, но о красоте и совершенстве, являемой целостным изображением – иконой.. О красоте и гармонии. О безупречности стиля и техники, о чистоте и полноте в преемственности традиции... О высоком мастерстве изографа, сотворившего этот образ. Гармония, чеканность выверенной техники, высокое благородство художественной традиции, преподносимой в этом творении человеческих рук... - формируют эту неизъяснимую словом красоту. Тёмные поля иконы с широким, глубоким повалом гармонично соразмерны с объёмом иконного ковчега. При каждом эпитете просится в добавление «гармония»... «совершенство»... Иконные поля – обрамление ковчега – область соприкосновения иконы с окружающим миром – вводит нас, впускает, приводит наш взор в соприкосновение с иконным светом... Это же поле – выявляет, выпускает к нам свет от иконного ковчега, от собственно образа во Свята святых изображения. Наше чувственное ощущение вослед за взором легко соскальзывает по этому широкому иконному повалу – вглубь ковчега, в котором выявлен образ Чудотворца Григория, пробуждающего нас.

Размыслим об имени святителя: Григорий – пробуждающийся, пробуждённый, бодрствующий... пробуждающий нас. Святой III века, почивший о Господе около 270 года... ученик Оригена, изначально пребывавший в языческой мудрости... усвоивший учение своего наставника и чудесно получивший дар разумения Слова Божьего – дар понимания того, что есть предмет нашей веры... Кто есть Бог христиан... Святитель, изложивший словами человеческими собственно Предмет и выявивший Смыслы нашего верования, нашего взаимного отношения с Творцом – нашей религии, как взаимной связанности с Богом. И это изложение легло в основу Символа Веры, составленного святыми отцами Вселенских соборов. Как почтительно, как высоко – отзывались о святом Григории его последователи, великие Каппадокийцы, отцы – основатели Церкви, премудрые учителя и наставники наши. Без малого, через тысячу лет после блаженной кончины святителя Григория – написан этот образ, - образ святого, который выявил перед нами саму возможность познания, уяснения Слова Божьего и словесного выражения нашего знания и нашей веры. Этот святой – изображён перед нами... и личность его – поистине светоносна.

В иконе всё – свет. И лишь предмет веры – Кодекс сокровенного – закрытого Евангелие – отдельным предметом, несколько обособленным символом, - словно бы выходит на передний план, даже зрительно, словно бы несколько выступает из иконного изображения к предстоящему человеку. Возникает зрительное ощущение того, что

Евангелие расположено между человеком и иконным ковчегом, выдвинувшись ближе к нам, отделившись от поверхности иконного ковчега и поля иконы. Быть может, это зрительное ощущение несколько субъективно и надумано... но смею небесспорно - высказать его, выявляя в себе самом. Быть может, кто-то видит иначе. Более тёмное изображение зрительно выходит, выявляется на самый передний, пред-изобразительный план. Святое – святых, – сокровенное Слово Господнее - выявлено к нашему поклонению.

Всё в иконе – светоносно. Специалисты - исследователи этой иконы говорят о том, что при написании образа использована достаточно сложная и древняя технология интенсивной подкладки синего пигмента под золото и под световые слои. Синий пигмент – уложен на левкас – грунтовку ниже прочих красочных слоёв и ниже золотого покрытия фона. И этот пигмент буквально заставляет ощутимо - сиять икону, наполняет икону свечением изнутри. Внутренний живой тёплый свет образа лучится от этого конфликтного соединения несовместных цветовых стихий... холодного лазурита - и тёплых, горячих охр, высветленных белилами... - и огненного сусального золочения. Мне не проверить никак этого профессионального утверждения специалистов, но доверившись ему – как не восхититься таковым лучезарным символом от иконописной технологии. Холодная внутренность, невидимая извне – и горячая, светонесущая поверхность иконы, оживлённая тёплыми, проникновенными олифами... Это соприкосновение холода и жара – порождает свет, лучащийся от образа. Именно этот свет – затеняется и унижается, изгоняется агрессией бесцеремонного и наглого электричества... вторжением несуразного, не-со-образного внешнего экспозиционного свечения, подавляющего образное светоносное естество иконы. Как ни парадоксально, во внешнем свете икона меркнет, тускнеет, сокращает свой «личный» свет, способный затеплить нашу молитву... но остаётся в обесвеченном, разоблачённом от света виде – к изучению нами. Так светоносные свойства образа остаются неведомы нами, не распознаются нами, как это было бы возможным во свете свечном, лампадном, свете нашего молитвенного соприкосновения с ней, если уж не в темноте исихии, то в благочестии почитательного созерцания. ... по крайней мере, в деликатно – выстроенном освещении с применением современных технологий. Возможны ведь подобные благочестивые, иконопочитательные экспозиции. Вот, например, в Черногорском Цетинье – именно так найдены способы представления образа знаменитой «Гатчинской» Мальтийской святыни – Филермской иконы Божией Матери. Этот образ в музейной экспозиции выявлен в нарочито устроенном холодном, синем освещении, специально подобранном, найденном для святыни авторства апостола Луки. Обратим внимание, в этом музейном зале найдено внешнее освещение, приближенное к внутреннему цветовому содержанию иконы Григория Чудотворца, это освещение построено на сопоставлении или противопоставлении синего света и тёплых, телесных охр иконного лика, затенённого временем. В этой вспышке противопоставления световых и цветовых природ, холодного и тёплого – особенно внятно и живо выявляется сокровенный образ.

Филермская икона Божией Матери в музейной экспозиции. Черногория. Цетинье.

Но возвратим себя от мистических и мистагогических соображений – к обыкновенному рассматриванию «эрмитажного» образа, к любованию им.

В этой иконе – всё совершенно. Личная живопись полна гармонии, выразительности, человечности, высоко-духовного гуманизма святости во Христе – Бого-Человеке. Вознесём свои рассмотрения к лику этого, несомненно, о-Боженного во святых – человека. Лик выявлен, предъявлен к восприятию словно бы изнутри целостной красоты, поддержан светоносной красотой образа самыми, казалось бы, незначительными нюансами изображения. Тончайшие узоры святительских облачений, поручей, крестов омофора, креста на Евангелии, - эта тончайшая вязь орнамента не бросается в глаза, не претендует на декоративную самодостаточность, на отдельное от образа торжество художественной техники, - но нарочито сдержана, умалает себя, растворяет себя, выходит на обрамляющий, тонкий, поддерживающий изобразительную целостность второй план перед великолепием общей, целостной гармонии в иконе, перед проникновенным тёплым ликом святителя Григория. Тончайше выверенное очертание нимба, великолепно художественное надписание имени святого – и они составляют некую графическую ткань, свивающей общую целостную красоту изображения, выявляющего лик.

Но ещё раз обратим внимание к Евангелию, преподнесённому из образа, изображённому. Евангелие украшено узорчатым крестом и белыми бликами, точками, похожими на драгоценное украшение. Дозволим себе в этих «украшениях» Кодекса распознать символы сияния Света превечного, признаки мира не от мира сего, о-значеные в иконе. Мы неоднократно рассуждали уже об этих знаках, восходящих к явному символизму «вращающихся дисков» - символам проявления мира невидимого в области видимого. Если это понимание символа верно, то в данной иконе символ мира невидимого – выдвинут из области иконописания и приближен к молящимся. И сделано это очень деликатно, очень неявно, осторожно, словно бы исподволь, без всякого нарушения закономерностей красоты, гармонии целостного изображения. Евангелие – являет образ мира невидимого и это явление – приближено к нашей молитве, к нам.

Символика жестов святителя Григория также – уступает место доминирующей красоте, общей гармонии образов, - и не навязывает себя, своей исключительной значимости в иконе. Символ вновь отступает на второй план перед целостностью, не отделяется от общей гармоничной структуры образа. Правая рука святителя «лестовкой» благословляющего жеста прикасается к алому, киноварному обрезу Кодекса. Лествица духовного восхождения в Слово Господнее, - перед нами непосредственное телесное прикосновение руки, благословляющей десницы святителя – ко Христу – Слову, символизированному Кодексом. Святитель прикасается к Евангелию, благословляя его, либо благословляя наше прикосновение, наше восхождение Словом Божиим, благословляя усвоение нами Слова Господнего, наше осязательное и умственное проникновение к Нему. Таковы смыслы жеста правой руки – иерейского, именованного благословения перстов, прикасающихся к закрытому Евангелию. Сокрыты смыслы Слова, но прикосновением – благословлён путь к постижению, вос-приятию их. Благословлено познание Слова Господнего. Сама же закрытая Книга – покоится и преподносится нам от иконы на левой руке святого. Левая рука – прикрыта облачениями. Прикрытие руки есть символ таинства, таинственности, литургии. Прикрыта левая рука святителя и открыта рука правая. Литургией и таинством – содержит святой Книгу Господнего Слова... и прикасается к Ней благословением руки открытой, чувственной, осязающей, - благословляющей и устремляющей нас к Слову. Это двойственное значение жестов явлено в иконе, как неотделимая часть целостной светоносной красоты образа. И, вместе с красотой, символ привносит нам свои глубокие Богословские значения. Христос, Слово,

Логос – утаён от нас и воспринимается в некоторой Богом данной полноте только через таинство литургии, Хризмтос таинственнен в Своей Божественной природе. И единовременно, не отменимо – человечен Христос, к Нему возможно прикоснуться, приложить себя человеку, воспринять Спасителя приникая к нему своим человеческим естеством. Эта же двойственность, двузначность – отдалённым смыслом - может быть распознана и в символе двух крестов на омофоре святителя. Третий крест изображён на Евангелии. Практически идентичен или очень близок орнамент на всех трёх крестах.

Некоторым балансирующим световым пятном в центральной части иконы – видится часть синего хитона святителя Григория. Внутренне облачение святого – синий хитон. Символ Духа Святого – лазурит, - быть может, именно этот пигмент, этот цвет – подложен под верхние слои красок, золочения образа, - мы уже говорили об этом. Осторожным, деликатным намёком на символическое значение –воспринимаем этот тёмно-синий цветовой акцент ниже лика. Присутствие тёмного локального цвета, с одной стороны, художественно уравнивает порфиново-тёмный цветовой акцент Евангелия, с другой стороны – оттеняет и предаёт некую изъывительную контрастность лику святого, обрамлённому ореолом седых волос бороды и главы. Чуть позже мы ещё более внимательно обратим себя – к лику святого.

Но – вновь отстранимся от образа, взглядываясь... взглядывая себя в него... радуясь ему, несколько отстранённо. Как же – красив он. Гармоничен в сочетаниях деталей: идеально тонкого безупречной стройности нимба... в орнаментальном узорочье графики буквенного надписания букв и знаков имени святителя... вязи мелкого орнамента крестов, поручей... И все малые нюансы – растворены в едином обобщающем свете белил в облачениях... в ровном сиянии золоте фона... свете проникновенной теплоты лика...

Фигура святого Григория и сама икона словно бы высветлена сиянием изнутри образа, мы постоянного говорим об этом. Говорим о символическом значении этого внутреннего света, как о сиянии Света Божьего, усвоенного святым, облагодатствованным человеком. Говорим о сиянии света усвоенной святости. О свете святаемого Духа Святого Божьего, проникшего в человека. Символическим намёком на эту усвоенную святость – цвет синего хитона святителя. И, вместе с тем, в иконе вятно присутствует освящение светом внешним по отношению к образу, к фигуре. Свет этот падает падает справа от святителя, слева от нас. Источник света не присутствует с иконе, но образует заметные тени и высветления, образует формы ффигуры, складки облачений. Правая часть фигуры святителя (левая от нас) – находится на свету, во свете внешнем. Левая часть фигуры святителя притенена. Так создаётся ощущение естественности, природности, высветленности фигуры светом природным, - ощущение некоторой осторожной натуралистичности образа. Свет природный, натуральный – неотрывно и непротиворечиво - соединён во светом внутренним, превышеестественным, почти неявным, который источается из глубины образа.

Лик святителя Григория не подвластен внешнему освещению. Свет на лик ложится как-то фронтально и несколько сверху, - это некий третий источник высветления образа, он расположен где-то над нами, предстоящими образу и над самой иконой, но никак не справа от святого, - так высветляются формы лица святителя. Это высветление форм, рельефа лика не подвластно некоторому натурализму, который можно бы усмотреть в написании облачений. Нет тени, отбрасываемой носом, надбровными дугами... Светоносность лика создана иными средствами, выявляет несколько иную природу источника света и свдетельствует об ином. Лик святителя обрамлён

белоснежным ореолом волос его бороды и главы, будто бы белым сиянием света, вмещённого в окружность нимба, - выявлен лик, предъявлен к восприятию. Удивительно красивы отсветы седины на бровях вблизи переносицы, - словно бы лучи света эти брови, воспаряющие от зенниц... очень красиво... очень. Взор святителя направлен фронтально, но не обращён к нам, предстоящим. Едва заметно, едва уловимо, иконописец сделал так, что святитель всматривается немного мимо нас и чуть выше области нашего пребывания, - он не пронзает нас своим взиранием. Молитвенно – сосредоточен святой Григорий, взором – он про-зревает наше пространство насквозь и вглубь, обволакивает наше и нас про-зрением своим. Повторимся, не благословляет нас святой Григорий, но благословляет – нам, для нас... преподносит к нам сокровенное, сокрытое Слово Божие – благословляет наше разумение и молитвенное приникание к Нему, наше прикосновение к образу и таинственное восприятие Христа – Логоса. Таковые смыслы явлены нам в удивительной красоте, гармонии и несравненном великолепии... величии... в молитвенно - откровенном пред нами и для нас – образе.